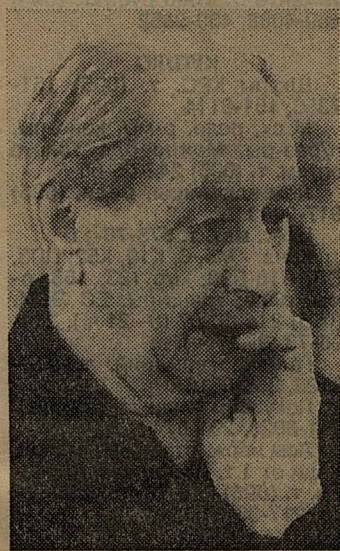

Игорь Моисеев:

Отступать некуда, надо танцевать

«Ансамбль танца Моисеева». Весь мир знает этот коллектив — легче перечислить страны, где он не гастролировал. Почти за 60 лет сменились четыре поколения танцовщиков. Бессменен лишь его руководитель Игорь Александрович Моисеев. 21 января ему исполняется 90 лет: в русском танцевальном искусстве подобного долголетия не бывало.

Больше полувека он приходил на работу к 10 утра. Сейчас приходит к двенадцати. Но все равно до трех — репетиция.

— Игорь Александрович, известно: недолг век танцора. Но долг век Моисеева: в чем секрет?

— По сему случаю я даже ударился не в мой жанр — сочинил стишки. Не Бог весть какая поэзия. Но рецепт в них просматривается:

Если старость
держит вас за фалды
И мешает мчаться и лететь,
Не спешите стать простой
кувалдой,

Плотно ешь,
ленишься и толстеть.
Старость в силах
мы отодвигать.

Научитесь пре-о-до-ле-вать.

— Можно обнародовать?

— С оговоркой, что я не стихотворец.

— Помнится, в 70 лет вы сказали: продлевать жизнь вам помогает вечное желание открывать новое. Исыскнет оно — остановится и движение. Вы умели быть первым во всем. Даже на гастроли за рубежом с таким огромным коллективом — сто двадцать танцоров и тридцать оркестрантов — вы выехали первыми в советской истории.

— Война еще не кончилась. В феврале сорок пятого мы отправились в Финляндию. А там пошло-поехало: в первый же послевоенный год мы побывали во всех странах, которые потом стали называть социалистическими. Плюс Австрия. Тогда Европа нас очень боялась, и нужно было показать, что мы несем не только «народную демократию», но и культуру.

— Говорят, где были бессильны политики, туда ехал ансамбль танца Моисеева.

— Во Франции мы, кажется, были «первыми советскими» в суровые времена «холодной войны». Позже я узнал, что на выбор французских официальных кругов повлиял известный поэт Луи Арагон. Живя в годы войны в Москве, он частенько посещал наши концерты, но, сообразно требованиям военного времени, инкогнито. Потому мы и оставались долгое время неизвестными. Все было готово, но неожиданно против поездки выступил тогдашний министр культуры Михайлов. Почему — не известно до сих пор. И тогда французы пошли, что называется, на самый верх: через компартию обратились к Хрущеву, который, естественно, уважил своих друзей.

...Успех в Париже был неописываемый. Появилась даже мода «а ля Моисеев»: высокие красные сапожки, подсмотренные у танцовщиц в «Гопаке», и барашковые шляпки-кубанки, как в сюите «Партизаны». Потом эта мода вернулась в Россию под маркой парижской...

Прослышав об успехе, американский импресарио Сол Юрок решил свозить ансамбль в США. Но в те времена для въезда в Соединен-

над «Спартак» заняла в моей жизни существенное место. Но в своей книге «Я вспоминаю», которая должна появиться на прилавках не сегодня завтра, я этой истории не касаюсь. Не хочу. У каждого художника есть то, о чем не хочется говорить. В своей книге, в отличие от некоторых других авторов, я рассказываю только о себе, никого не осуждая. Меня не занимают лавры народного мстителя.

— Вы начинали артистом балета Большого театра. Потом в 24 года стали там же балетмейстером — самым молодым. Проработали пятнадцать лет, вы — выходец из академической школы, приверженец классики. И вдруг — ансамбль народного танца!

— Эта идея меня увлекла прежде всего тем, что я видел: народный танец может и должен иметь нового зрителя. Фольклор интересует меня как основа для создания театрализованного хореографического действия. По существу, это тот же классический балет, только его образы взяты из народной танцевальной традиции.

Каждый номер любой программы Моисеева имеет свой сюжет, своих персонажей, свой национальный характер. Этнографические детали служат ему лишь для поддержания истинного национального колорита хореографической картины, созданной воображением художника и исполненной высокими профессионалами этого вида искусства. Чтобы поступить в его ансамбль, надо иметь хореографическое образование. Имеется и студия при ансамбле. Туда набирают способных детей с 12—13 лет и готовят из них профессионалов. Где у Моисеева — как во всяком балете: репетиции, подчас изнурительные, постоянная работа над собой, над формой. Самоограничение и самоотдача.

— Сегодня трудности испытывают все, особенно финансовые. А как у вас?

— Мы ведь живем не на другой планете. Особенно дорогими стали гастроли по родной стране. Выехать, например, в Петербург — это же сколько надо денег: билеты для 150 человек в оба конца, гостиница, командировочные! Спасение — зарубежные гастроли, но нельзя же постоянно отсутствовать на Родине! И вечный вопрос — оплата труда артиста. Нигде профессионалу не платят так скудно, как у нас. А ведь для танцора создание образа — не только творческий, но и тяжелый физический труд. У него редкие свободные вечера, почти никакой личной жизни. Артист балета уходит на пенсию на рубеже сорока лет, только я один у нас дотянул до девяноста... Если человек на это идет, значит, он предан искусству. А преданность надо ценить.

...Перед нынешней встречей я вновь посмотрел фильм «Вечное движение» о Моисееве и его ансамбле, снятый 29 лет назад режиссером Майей Меркель. Неповторимый Моисеев: «Прошу не шепелявить, танцуйте чище». Или: «У вас ветер в ушах должен свистеть при вращении». «От работы еще никто не умирал», — говорит он с характерным раскатистым «р»: его маму папа-дворянин привез из Парижа, отсюда совершенное знание французского языка с детства. Когда он недоволен, он вздыхает: «Вы танцуете мимо музыки». И произносит свое классическое: «Отступать некуда, надо танцевать».

Моисеев и сегодня такой же в репетиционном зале. Встает, показывает: «А с этим движением вы знакомы?». В девяносто лет! Меняются поколения, а танцы, сочиненные 50, 40, 20 лет назад, остаются такими же, какими были тогда, при их рождении. Как нельзя переписать однажды сочиненное стихотворение, так нельзя переписать и танцы Моисеева. Их, как стихи, можно только читать снова и снова.

Уже давно никто не говорит: «Ансамбль танца под руководством Игоря Моисеева». Говорят: «Ансамбль танца Моисеева». Причем «Моисеев» относится и к ансамблю, поскольку это он его создал, и к танцу — ведь здесь танцуют только то, что сочинено им, Моисеевым. Оркестры исполняют произведения, написанные композиторами. Театры ставят пьесы разных драматургов. У Моисеева показывают то,

Большую полувек он приходил на работу к 10 утра. Сейчас приходит к двенадцати. Но все равно до трех — репетиция.

— **Игорь Александрович, известно: недолго век танцора. Но долго век Моисеева: в чем секрет?**

— По сему случаю я даже удавился не в мой жанр — сочинил стишки. Не Бог вещь такая поэзия. Но рецепт в них просматривается:

Если старость

держит вас за фалды
И мешает мчаться и лететь,
Не спешите стать простой
кувалдой,

Плотно есть,

лениться и толстеть.

Старость в силах

мы отодвигать.

Научитесь пре-о-до-ле-вать.

— Можно обнародовать?

— С оговоркой, что я не стихотворец.

— Помните, в 70 лет вы сказали: продлевать жизнь вам помогает вечное желание открывать новое. Исканет оно — остановится и движение. Вы умели быть первым во всем. Даже на гастроли за рубежом с таким огромным коллективом — сто двадцать танцоров и тридцать оркестрантов — вы выехали первыми в советской истории.

— Война еще не кончилась. В феврале сорок пятого мы отправились в Финляндию. А там пошло-поехало: в первый же послевоенный год мы побывали во всех странах, которые потом стали называть социалистическими. Плюс Австрия. Тогда Европа нас очень боялась, и нужно было показать, что мы несем не только «народную демократию», но и культуру.

— **Говорят, где были бессильны политики, туда ехал ансамбль танца Моисеева.**

— Во Франции мы, кажется, были «первыми советскими» в суровые времена «холодной войны». Позже я узнал, что на выбор французских официальных кругов повлиял известный поэт Луи Арагон. Живя в годы войны в Москве, он часто посещал наши концерты, но, сообразно требованиям военного времени, инкогнито. Потому мы и оставались долгое время неизвестными. Все было готово, но неожиданно против поездки выступил тогдашний министр культуры Михайлов. Почему — не известно до сих пор. И тогда французы пошли, что называется, на самый верх: через компартию обратились к Хрущеву, который, естественно, уважал своих друзей.

...Успех в Париже был неописуемый. Появилась даже мода «а ля Моисеев»: высокие красные сапожки, подсмотренные у танцовщиц в «Гопаке», и барашковые шляпки-кубанки, как в сюите «Партизаны». Потом эта мода вернулась в Россию под маркой парижской...

Прослышав об успехе, американский импресарио Сол Юрок решил свозить ансамбль в США. Но в те времена для въезда в Соединенные Штаты требовалось сдавать отпечатки пальцев.

— Согласиться на такое унижение мы не могли. Юрок потратил год или полтора, чтобы добиться от госдепартамента отмены для нас этой процедуры. Американцы, как вы знаете, встретили нас более чем хорошо, и с тех пор наш ансамбль ездил туда не один раз.

— **Правда ли, что, когда Юрок в 1965 году приехал на переговоры относительно гастролей в Штатах Большого театра, именно вы посоветовали ему включить в репертуар балет Игоря Стравинского «Весна священная», поставленный молодыми балетмейстерами Натальей Касаткиной и Владимиром Василевым?** Была еще идея привлечь к дирижированию балетом в США самого Стравинского, но это почему-то не получилось: кто не захотел — он или мы? Тогда ведь четко разделяли «наших» и «не наших».

— Не могу сказать, не знаю, но почему вы вспомнили об этом?

— Потому, что о вас идет молва: познав немало триумфов, вы много сделали и для успеха своих коллег.

— Я как-то об этом не задумывался... Но приятно, что удалось вернуть к балетмейстерской работе великолепного Касьяна Голейзовского в «Молодом балете», который некоторое время существовал при нашем ансамбле (сейчас он вырос в Театр Касаткиной и Василева). А когда Екатерина Фурцева, руководившая культурой, послала меня в Ленинград разбираться с Леонидом Якобсоном, которого клевали со всех сторон, я, как мог, защитил его.

— **Игорь Александрович, вы ведь первым поставили балет «Спартак»?**

— Да, и горжусь этим. Работа

созданной воображением художника и исполненной высокими профессионалами этого вида искусства. Чтобы поступить в его ансамбль, надо иметь хореографическое образование. Имеется и студия при ансамбле. Туда набирают способных детей с 12—13 лет и готовят из них профессионалов. Все у Моисеева — как во всяком балете: репетиции, подчас изнурительные, постоянная работа над собой, над формой. Самоограничение и самоотдача.

— **Сегодня трудности испытывают все, особенно финансовые. А как у вас?**

— Мы ведь живем не на другой планете. Особенно дорогими стали гастроли по родной стране. Выехать, например, в Петербург — это же сколько надо денег: билеты для 150 человек в оба конца, гостиница, командировочные! Спасение — зарубежные гастроли, но нельзя же постоянно отсутствовать на Родине! И вечный вопрос — оплата труда артиста. Нигде профессионалу не платят так скудно, как у нас. А ведь для танцора создание образа — не только творческий, но и тяжелый физический труд. У него редкие свободные вечера, почти никакой личной жизни. Артист балета уходит на пенсию на рубеже сорока лет, только я один у нас дотянул до девяноста... Если человек на это идет, значит, он предан искусству. А преданность надо ценить.

...Перед нынешней встречей я вновь посмотрел фильм «Вечное движение» о Моисееве и его ансамбле, снятый 29 лет назад режиссером Майей Меркель. Неповторимый Моисеев: «Прошу не шепелявить, танцуйте чище». Или: «У вас ветер в ушах должен свистеть при вращении». «От работы еще никто не умирал», — говорит он с характерным раскатистым «р»: его маму папа-дворянин привез из Парижа, отсюда совершенное знание французского языка с детства. Когда он недоволен, он вздыхает: «Вы танцуете мимо музыки». И произносит свое классическое: «Отступать некуда, надо танцевать».

Моисеев и сегодня такой же в репетиционном зале. Встает, показывает: «А с этим движением вы знакомы?». В девяносто лет! Меняются поколения, а танцы, сочиненные 50, 40, 20 лет назад, остаются такими же, какими были тогда, при их рождении. Как нельзя переписать однажды сочиненное стихотворение, так нельзя переписать и танцы Моисеева. Их, как стихи, можно только читать снова и снова.

Уже давно никто не говорит: «Ансамбль танца под руководством Игоря Моисеева». Говорят: «Ансамбль танца Моисеева». Причем «Моисеев» относится и к ансамблю, поскольку это он его создал, и к танцу — ведь здесь танцуют только то, что сочинено им, Моисеевым. Оркестры исполняют произведения, написанные композиторами. Театры ставят пьесы разных драматургов. У Моисеева показывают то, что создано Моисеевым.

В эти юбилейные дни его задергали — интервьюеры, почитатели, разного рода организаторы. Он шутит: «В столетие я постараюсь сбежать от них заранее...» Прощаясь, соглашается: «Еще только два вопроса, ладно?».

— **Вот первый. Всю жизнь ваш ансамбль прожил на площади Маяковского. Самого Владимира Владимировича приходилось видеть?**

— Даже на бильярде с ним играл.

— **А почему не вступали в партию? Вам же столько раз предлагали!**

— Восемнадцать раз. Один из секретарей партбюро даже пригрозил: «Беспартийному нельзя руководить таким коллективом». Меня разоблало: «А создать его беспартийному можно было?». Говоря по правде, я не был политическим борцом, политика не моя сфера деятельности. У меня бывали трудные времена, как у всех, потому что у кормила искусства не всегда стояли сведущие люди. Но государство, слава Богу, понимало, что ему нужен такой ансамбль, и, кажется, знало нам цену. А уж мы старались и для государства, и для искусства. И еще. В нашей русско-французской семье всегда была сильна религиозная традиция. Я и сейчас остаюсь человеком верующим. Такую удачу, какую испытал я, дает только Бог. И юбилей, как это ни трудно, переживу и, даст Бог, еще поработаю.

Георгий МЕЛИКЯНЦ,
«Известия».

Фото

Алексея БЕЛЯНЧЕВА.

23 января в Большом театре состоится торжественный вечер в честь И.А.Моисеева.

Известия - 1996 - 20
ЯНВ - с. 5